

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

БАЙРОНА.

КЪСНЯ ПЯТАЯ.

I.

Когда пѣвецъ для прелести стиховъ
Любви блаженство нѣжно воспѣваетъ
И рѣмы, какъ Венера голубковъ,
Попарно ставитъ въ пѣсню, — онъ не знаетъ,
Какое зло онъ можетъ причинить:
Овидій въ томъ примѣромъ могъ служить;
Петрарка самъ, когда мы взглянемъ строго,
Насъ обольщая въ пѣсняхъ, грѣшенъ много.

II.

Творенія подобныя вредны,
Когда они насъ только увлекали...
Нѣтъ, въ гладкихъ, скромныхъ пѣсняхъ мы должны
Все подводить подъ правила морали —
И ужь никакъ людей не развлекать,
Но страсти всевозможныя карать...
И если мой Пегасъ подкованъ прочно —
Поэма эта будетъ безпорочна.

III.

На рядъ дворцовъ привыкли мы смотрѣть,
 Плыва чрезъ Геллеспонтъ иль по Босфору:
 Вся въ золотѣ Софійская мечеть,
 Летитъ корабль по водному простору,
 Олимпъ увѣнчанъ массой облаковъ
 И манятъ взоръ двѣнадцать острововъ, —
 Картина та здѣсь каждаго плѣнила
 И Мери Монтегю очаровала.

IV.

Я имя «Мери» больше всѣхъ люблю,
 Оно меня тревожило когда-то;
 Я въ звукѣ томъ прошедшее ловлю,
 Чему, какъ царству сновъ, ужъ нѣтъ возврата.
 Я измѣнился, буду скоро старъ,
 Но мнѣ не сбросить власти дивныхъ чаръ...
 Однако я рассказъ свой забываю
 И въ патетичный тонъ теперь впадаю.

V.

Эвксина волны, прядая, шумятъ...
 Вездѣ картина чудная для взора!...
 Когда съ «холма гиганта» (*) бросишь взглядъ
 На бурное волненіе Босфора,
 То чувствуешь при ропотѣ волны
 Присутствіе душевной тишины,
 Хотя пловцамъ, спѣшившимъ въ путь собраться,
 Въ Эвксинѣ нужно рвоты опасаться.

VI.

Стоялъ одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней,
 Когда морскія бури завываютъ
 И непогода осени сильнѣй,
 И моряки въ крушеньи погибаютъ,
 Когда пловцы, скользя среди валовъ,
 Въ испугѣ не жалѣютъ клятвъ и словъ

(*) «Холмъ гиганта» или «могила великаго». Такъ называется пригорокъ на Азіатской сторонѣ Турціи.

Раскаяться, что очень безразумно:
Объёты выподнять намъ очень трудно.

VII.

Толпа рабовъ всѣхъ доловъ, странъ и дѣтъ
На рынкѣ, въ рядъ поставлена, дрожала.
Торговецъ былъ у каждой группы... Нѣтъ
Веселыхъ лицъ, печаль на всѣхъ лежала...
Всѣ, кромѣ негровъ, были смущены
Вдали друзей родной своей страны,
Но каждый негръ философомъ казался:
Какъ угръ, съ сдираниемъ кожи онъ сживался.

VIII.

А Донъ-Жуанъ? Онъ молодой былъ тогда,
Въ его груди надеждой сердце билось,
Но не смотря на юные года,
Слеза, порой, изъ глазъ его катилась.
Онъ, можетъ быть, отъ ранъ еще страдалъ
Иль отъ того, что разомъ потерялъ
Любовницу, имущество, свободу
И отданъ въ руки дикому народу.

IX.

Самъ стоишь приуныль бы съ этихъ бѣдъ,
Но Донъ-Жуанъ глядѣлъ кругомъ спокойно;
Его фигура, пышный туалетъ,
Въ которомъ онъ держалъ себя достойно, —
Всѣмъ этимъ былъ въ толпѣ замѣтенъ онъ
И отъ рабовъ несчастныхъ отличенъ.
Всѣ думали: красивъ, одѣтъ онъ знатно —
Богатый выкупъ будетъ, вѣроятно!..

X.

Вся площадь, какъ тавлейная доска,
Отъ бѣлыхъ группъ и черныхъ группъ пестрѣла:
Тамъ черный негръ дѣлалъ докупщика,
Здѣсь бѣлый рабъ былъ покупаемъ смѣло.
Въ числѣ другихъ на рынокъ приведенъ
Какой-то незнакомецъ; онъ сложенъ

Быль хорошо. Ставь съ Донъ-Жуаномъ рядомъ,
Онъ ждалъ своей продажи съ твердымъ взглядомъ.

XI.

Румянъ и бѣлъ, въ плечахъ своихъ широкъ,
Онъ съ виду англичаниномъ казался.
Отъ долгихъ думъ, занятій иль тревогъ
Открытый лобъ высоко поднимался,
Кровавою подвязкою слегка
Поддержана была его рука;
Лишь любопытству праздному послушный,
Онъ вокругъ смотрѣлъ, какъ зритель равнодушный.

XII.

Но увидавъ Жуана предъ собой,
Безстрашнаго, но полного смущенья
Предъ новою гнетущею судьбой,
Почувствовалъ къ нему онъ сожалѣнье.
Товарищъ по несчастью возбудилъ
Въ немъ чувство то, хотъ самъ онъ находилъ,
Что ежедневно встрѣтишь на дорогѣ
Подобныя несчастья и тревоги.

XIII.

— «Любезнѣйшій!» сказалъ онъ, «кромя насъ,
Толпу рабовъ лишь по окраскѣ кожи
Мы различимъ; межъ нихъ, на этотъ разъ
Мы, только мы здѣсь на людей похожи,
Порядочные люди — вы да я:
Мы по неволѣ быть должны друзья,
Обоимъ намъ сойтись теперь не худо.
Я стану развлекать васъ. Вы откуда?»

XIV.

— «Испанецъ — я». — «Я самъ предполагалъ,
Что вы не грекъ: какъ псы, они всѣ льстивы
И гордостью взглядъ грека не блисталъ...
И такъ, мой другъ, судьбой вы несчастливы:
Она всѣхъ насъ привыкла не щадить,
Но счастье къ вамъ вернется, можетъ быть».

Судьба со мной сыграла ту же штуку,
Но я давно постигъ ея науку».

XV.

— «Что жь привлекло васъ въ это мѣсто, — сэръ?»
— «Что привлекло? — Татары и... оковы».
— «Но я узнать желалъ бы, напримѣръ,
За что они къ вамъ были такъ суровы?
Вотъ я о чемъ рѣшаюсь васъ спросить».
— «Я началъ въ русской арміи служить
И, находясь при взятіи Виддина,
Я самъ былъ взятъ. Вотъ бѣда моихъ причина!»

XVI.

— «Но есть друзья у васъ?» — «Они давно
Меня, но счастью, больше не тревожатъ;
Я все сказалъ вамъ. Мнѣ не мудрено
Ждать и отъ васъ признанія. Быть можетъ...»
— «Ахъ, дологъ и печалень мой рассказъ».
— «О, если такъ, не требую отъ васъ
Подобной откровенности. Страданье
Бойтся откровеннаго признанья».

XVII.

«Не унывайте только: къ вамъ должна
Фортуна возвратиться скоро снова
(Фортуна, слава Богу, не жена)
И больше жъ вамъ не будетъ такъ сурова.
Борьба съ судьбой, повѣрьте мнѣ, глупа:
Снопу не устоять противъ серпа.
Мы всѣ игрушки случая, хоть въ этомъ
И совѣстно признаться намъ предъ свѣтомъ».

XVIII.

— «Страдаю я», сказалъ тутъ Донъ-Жуанъ,
«За прошлое: прекрасное созданье
Я полюбилъ...» и словно какъ туманъ
Затмилъ его глаза и стонъ рыданья
Готовъ былъ вырваться изъ груди. Онъ сказалъ:
«Меня не этотъ рынокъ испугалъ».

Я въ жизни бѣдъ испытывалъ не мало.
Средь бурь морскихъ душа моя не знала,

XIX.

«Что значитъ страхъ, но тотъ ударъ!...» и онъ
Вновь замолчалъ и быстро отвернулся.
— «Ну такъ и есть, вопросъ мной былъ рѣшенъ:
Тутъ богъ любви не кстати подвернулся; —
Когда любовь является, тогда
Мнѣ скорбь понятна. Въ прежніе года
Я самъ рыдалъ, когда, — то верхъ скандала! —
Моя жена вторая убѣжала.»

XX.

«Моя супруга третья...» — «Какъ? у васъ
Есть три жены?...» Жуанъ воскликнулъ съ жаромъ.
— «Лишь двѣ теперь осталось. Что жъ, не разъ
Вѣнчались люди трижды. Этимъ даромъ...»
— «Ну, гдѣ жъ теперь послѣдняя жена?
Отъ васъ не убѣжала ли она?»
— «О, нѣтъ!» — «Такъ что жъ?» спросилъ Жуанъ въ испугѣ.
— «Я самъ бѣжалъ отъ третьей той супруги.»

XXI.

— «Я хладнокровьемъ вашимъ пораженъ.»
— «Увы, мой другъ, такъ все идетъ на свѣтъ.
Васъ — впереди ждетъ ясный небосклонъ,
Меня ждетъ — тьма. Всѣ люди на разсвѣтѣ
Встрѣчаютъ жизнь съ надеждами любви,
Потомъ остынетъ первый жаръ въ крови
И время всѣ мечты въ насъ убиваетъ:
Такъ съ змѣй ихъ кожа яркая спадаетъ.»

XXII.

«Хоть иногда становится нарядъ
Опять блестящъ, но не пройдетъ и года,
Онъ вновь спадетъ и не вернуть назадъ
Прошедшаго. Любовь скорѣе яда
Насъ отравитъ, а поздніе года
Намъ портятъ слава, скупость и вражда,

И только остается въ насъ охота
Жить для наградъ, для денегъ и почета.»

XXIII.

—«Все это такъ», сказалъ Жуань, — «но мы
Вѣдь этимъ участь нашу не измѣнимъ
И не откроемъ выхода изъ тьмы...»

—«За то, мой другъ, отлично мы оцѣнимъ,
Когда себѣ усвоимъ этотъ взглядъ,
Что рабство есть и гнусность, и развратъ,
И мы поймемъ несчастіе народа,
Когда опять вернется къ намъ свобода.»

XXIV.

—«Когда бъ теперь свободны были мы»,
Сказалъ Жуань, скрывая вздохъ печали,
«Язычники бъ, надѣвшіе чалмы,
Отъ насъ урокъ отличный испытали...
Несчастливымъ всѣмъ пусть да поможетъ Богъ!...»

—«Все перемѣнится, быть можетъ, въ краткій срокъ,
А между тѣмъ, съ насъ внухъ глазъ не сводить
И выгодной покупкой насъ находить.»

XXV.

«Я, впрочемъ, не корю своей судьбы:
Мы всѣ рабы безъ всякихъ исключеній.
Владыки міра тоже вѣдь рабы
Своихъ страстей, капризовъ и волненій.
Все общество, признавъ въ любви—законъ,
Живетъ въ борьбѣ, въ враждѣ со всѣхъ сторонъ.
Смотрѣть на всѣхъ съ улыбкой равнодушной
Привыкъ лишь стойкъ черствый и бездушный.»

XXVI.

Но въ этотъ мигъ къ нимъ подошелъ внухъ
И тотчасъ сталъ осматривать подробно
Наружность и фигуру плѣнныхъ двухъ,
Чтобъ убѣдиться, было ли удобно
Ихъ какъ звѣрей по клѣткамъ рассадить...
Такъ за женою мужъ привыкъ слѣдить,

Портной за платьемъ, дама — за влюбленнымъ
И сторожъ за несчастнымъ заключеннымъ.

XXVII.

Еще прилежнѣй смотрятъ за работъ:
Вѣдь равнаго себѣ купить такъ лестно!...
Продажны всѣ — сознаться надо въ томъ:
Продажны страсти наши повсемѣстно.
Насъ подкупаетъ власть и красота,
Корысти жаръ и видныя мѣста,
По цѣнамъ насъ лишь только отличаютъ:
Тѣхъ славою, тѣхъ цѣлоухой подкупаютъ.

XXVIII.

И вотъ евнухъ ихъ зорко осмотрѣлъ,
Вотъ началъ торговать: почему за пару?
И жаркій споръ торговли закипѣлъ
И раздался по цѣлому базару,
Какъ будто торговались у купца
Оседъ иль быкъ, козленокъ иль овца...
Никто продажѣ той не удивлялся:
Двуногій скотъ на рынкѣ продавался.

XXIX.

Но спорный пунктъ рѣшенъ былъ наконецъ
И кошелекъ съ ворчаньемъ развязался,
Считалъ монеты жадный продавецъ,
Ихъ на рукѣ подбрасывалъ, старался
Ихъ качество по звуку угадать,
И получивъ всю сумму, сталъ писать,
Что получилъ всѣ деньги аккуратно,
И размышлялъ о завтракѣ пріятно.

XXX.

Имѣлъ ли онъ въ то время аппетитъ?
Какое у него пищеваренье?
Уже ль ѣды его не отравитъ.
О правѣ незаконномъ размышленье:
Что онъ людьми, какъ стадомъ, торговалъ?...
Когда обѣдъ намъ сладокъ не бывалъ,

Тотъ самый часъ (я мыслей гѣхъ держался)
Въ теченье дня намъ хуже всѣхъ казался.

XXXI.

Вольтеръ—инаго мнѣнья. Пишетъ онъ:
Кандиду жизнь тогда сноснѣй казалась,
Когда ѣдой онъ былъ ужъ пресыщенъ!
Но онъ не правъ. Намъ въ сытости являлось
Еще страданье новое всегда,
Когда мы только трезвы были... Да,
Въ вопросѣ пищи я держусь принципа,
Которому былъ вѣренъ сынъ Филиппа.

XXXII.

Какъ Александръ, я думалъ, что ѣда,
Намъ постоянно всѣмъ напоминаетъ
Про нашу смерть и многіе года
О бренности подумать заставляетъ.
И намъ ли всѣмъ — подумайте о томъ —
Талантами гордиться и умомъ,
Когда нашъ умъ зависить... отъ чего же?
Отъ пищи и желудка, правый Боже!...

XXXIII.

Разъ вечеромъ (шесть дней тому назадъ),—
Я вспомнилъ про недавнее событіе:
Едва надѣвъ обычный свой нарядъ
И шляпу взявъ, ужъ думалъ уходить я,
Какъ вдругъ услышалъ выстрѣлъ. Въ тотъ же мигъ
Я выскочилъ на улицу на крикъ,
Гдѣ распростертъ, недвижимъ и покоенъ,
На мостовой лежалъ убитый воинъ.

XXXIV.

Бѣднякъ! Пять пуль пришлось ему принять,
И умирать такъ одиноко въ мірѣ!...
Его велѣлъ тотчасъ же я поднять
И въ комнату внести въ моей квартирѣ.
Его мы осмотрѣли. Но зачѣмъ
Подробности? онъ былъ и мертвъ, и нѣмъ.

Онъ жертвой палъ, быть можетъ, жертвой шлоныя:
Пять пуль въ него впилося въ одно мгновенье (*).

XXXV.

Я глазъ не отводилъ отъ мертвеца.
Мнѣ удавалось труповъ видѣть много,
Но не встрѣчалъ такого я лица:
Оно спокойно было такъ и строго...
Хоть онъ въ животъ и въ сердце былъ пронзенъ,
Казалось мнѣ, что впалъ онъ въ тихій сонъ!...
Мертвецъ снаружи не былъ облитъ кровью
И думалъ я, склонившись къ изголовью:

XXXVI.

«Что значитъ смерть? Ты долженъ мнѣ сказать...»
Отвѣта нѣтъ. «Проснись! ..» Онъ не проснулся.
Вчера еще онъ сильно могъ дышать,
Рядъ воиновъ предъ грозной волей гнулся:
«Приди!» онъ говорилъ, и шелъ народъ,
«Впередъ!» кричалъ — всѣ шли за нимъ впередъ,
Раскрылъ уста — молчатъ рожки и трубы,
Теперь же неподвижны эти губы.

XXXVII.

Передъ постелью воина стоять
Его друзья-соратники въ печали,
Въ послѣдній разъ на хладный трупъ глядятъ...
Такъ онъ погибъ! Его не разъ видали
Средь жаркихъ битвъ, гдѣ врагъ предъ нимъ дрожалъ
И, пораженный, съ боя убѣгалъ...
Онъ, приступомъ когда-то бравшій стѣны,
Погибъ безславной смертью отъ намѣны!

XXXVIII.

Межъ свѣжихъ ранъ еще замѣтенъ слѣдъ
Старинныхъ шрамовъ ранъ его военныхъ.
Какой контрастъ!.. Но память прошлыхъ лѣтъ
Не потревожу; подвиговъ почтенныхъ

(*) Байронъ описываетъ здѣсь истинное происшествіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ 8 декабря 1820 г. въ Равеннѣ.

Не стану мимоходомъ вспоминать...
 Но, какъ всегда, хотѣлъ бы я узнать,
 Смотря на трупъ, загадку смерти вѣчной,
 Всегда нѣмой, холодной, безконечной.

XXXIX.

Но все осталось тайной. Нынче мы
 Еще живемъ, а завтра двѣ, три пули
 Уносятъ насъ въ иное царство тьмы...
 Къ чему жъ мы этой жизнию дохнули?
 Зачѣмъ нашъ прахъ стихій разнесутъ?
 Эфиръ, вода, земля, огонь — живутъ,
 А мы — вѣнды созданья — умираемъ!..
 Довольно! Мы рассказъ свой забываемъ.

XE.

Двухъ плѣшниковъ угрюмый покупатель
 Повелъ ихъ тотчасъ къ лодкѣ золоченой,
 Вдругъ весла поднялись и въ тотъ же мигъ
 Они помчались къ цѣли отдаленной.
 Куда? зачѣмъ? ужели смерть ихъ ждетъ?
 Но вотъ какъ у бухты пристаесть,
 Гдѣ стѣны надъ водою поднимались
 И кипарисы стройные качались...

XLI.

Ихъ проводникъ въ окошко постучалъ,
 Раскрылась дверь желѣзная, шли слѣдомъ
 Они за нимъ въ аллею, гдѣ лежалъ
 Глубокій мракъ... Тотъ путь имъ былъ невѣдомъ.
 Ужь ночь давно спустилася съ небесъ,
 Кругомъ деревья темны, словно лѣсъ...
 Гребцамъ евнухъ махнулъ рукой сурово
 И тѣ ушли, не говоря ни слова.

XLII.

Извилистой тропой они идутъ
 Среди цвѣтовъ и зелени восточной,
 (Когда бъ была охота, могъ бы тутъ
 Я сдѣлать всѣмъ имъ списокъ очень точный:

Вѣдь на восточныя растенья и цвѣты
 Нашъ сѣверъ скупъ. Но нѣтъ, читатель, ты
 Встрѣчалъ навѣрно въ многихъ сочиненьяхъ
 Трактаты о цвѣтахъ и о растеньяхъ).

XLIII.

Въ Жуанѣ мысль случайно родилась,
 Когда они тропинкой проходили.
 Онъ передалъ товарищу. — «Сейчасъ
 Во мнѣ самомъ тѣ мысли забродили.
 Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — попытать
 Намъ не мѣшаетъ евнуха принять.
 По головѣ его ударимъ вмѣстѣ разомъ,
 Чтобъ не успѣлъ моргнуть онъ даже глазомъ».

XLIV.

— «Отлично! такъ! что жъ сдѣлаемъ потомъ?
 Гдѣ мы теперь, — понятья не имѣя,
 Живые мы отсюда не уйдемъ
 И испытаемъ смерть Варооломея,
 Попавъ въ другой какойнибудь вертень...
 Подобный рискъ былъ очень бы нелѣпъ...
 Притомъ я голодъ чувствую ужасный
 И мнѣ бифштексъ мерещится прекрасный».

XLV.

«Вблизи жилья должны теперь мы быть,
 Не даромъ этотъ негръ идетъ такъ смѣло:
 Онъ не рѣшился бѣ плѣнныхъ двухъ водить
 Такой дорогой: видано ли дѣло!
 Онъ знаетъ, что друзья его не спятъ,
 И только крикнетъ — разомъ набѣжать.
 Но, посмотрите, гдѣ мы? что за диво!
 Въ огняхъ дворецъ!.. Какъ зданіе красиво!..»

XLVI.

И точно былъ предъ ними пышный домъ,
 Передній фасъ котораго, казалось,
 Весь золотомъ украшенъ былъ кругомъ
 И, по турецкому капризу, украшалось

Все зданіе въ различные цвѣта,
Хоть отъ того теряла красота.
Всѣ виллы по Босфору — какъ экраны
Раскрашены, пестры, какъ балаганы.

XLVII.

На встрѣчу имъ несется запахъ блюдъ,
Пилавовъ и жаркихъ благоуханье,
Все голодъ раздражало въ нихъ и тутъ
Жуанъ смирилъ свирѣпья желанья
И негру жить показѣсть позволялъ,
Къ тому жь его пріятель увѣрялъ:
«Повѣрьте мнѣ, теперь не шумъ намъ нуженъ,
А только сытный и спокойный ужинъ».

XLVIII.

Мы прибѣгаемъ къ помощи страстей,
Къ услугамъ чувствъ и, наконецъ, къ разуму,
Хоть онъ не въ модѣ нынче у людей.
Ораторы употребляютъ шутку,
Чтобъ общее вниманье возбуждать
Иль начинаютъ слезы проливать,
Насъ каждый убѣдить вездѣ хлопочетъ,
Но краткимъ быть никто изъ насъ не хочетъ.

XLIX.

Есть много средствъ на свѣтѣ убѣждать
Посредствомъ краснорѣчья, денегъ, лести,
Насъ красота умѣетъ увлекать,
Но средства эти, взятыя всѣ вмѣстѣ,
Не могутъ такъ охватывать сердца
И радостью живить черты лица,
Какъ трель звонка, когда онъ заиграетъ
И звономъ на обѣдъ насъ призываетъ.

L.

Но въ Турціи къ обѣду не звонятъ
И плашки звонка не услышали,
Не видѣвъ имъ прислуги цѣльмъ рядъ,
Лишь ароматъ отъ блюдъ они глотали,

Да повара мелькали вокругъ огня,
Сверкающей посудой звеня...
Двухъ плѣвниковъ дразнили эти сборы
И аппетитъ ихъ выражали взоры.

LI.

Забывъ свой планъ, впередъ они идутъ
И ихъ ведетъ путеводитель черный:
Онъ и не зналъ за нѣсколько минутъ,
Что смерть близка... Рукою негръ проворный
Имъ сдѣлалъ знакъ немного подождать,
Потомъ калитку началъ отпирать
И путникамъ открылся залъ парадный,
Обставленный роскошно и громадный.

LII.

Не стану я описывать тотъ залъ.
Вѣдь въ наши дни любой пѣвецъ пространный
Любилъ изображать, какъ посѣщалъ
Онъ пышный дворъ державы иностранной,
Хоть публика за то его кляла...
Уже давно природа отдала
Себя на жертву гидовъ разныхъ націй,
«Записокъ», рвемъ и разныхъ иллюстрацій.

LIII.

Съ ногами на крестъ вдоль и поперегъ
По залѣ турки къ шахматамъ склонялись.
Тѣхъ разговоръ коротокъ былъ и строгъ,
Тѣ собственнымъ нарядомъ любовались...
Сбѣгаетъ дымъ съ янтарныхъ мундштуковъ
Волнами ароматныхъ облаковъ...
Тамъ группы то ходили, то лежали,
То молча ромъ предъ ужиномъ глотали.

LIV.

Когда же негръ ввелъ плѣвниковъ въ свѣтлый залъ,
Никто на нихъ не обратилъ вниманья;
Тотъ, кто ходилъ, — шаговъ не умѣрялъ
И лицъ не измѣнилось очертанье.

Иной же тотъ взглянулъ на гѣхъ людей,
 Какъ смотреть при оцѣнѣ лошадей;
 Иные негру съ мѣста поклонились,
 Но губы ихъ въ тотъ мигъ не шевелились.

LV.

А негръ все дальше плѣшниковъ ведетъ:
 Вкругъ ихъ покой царицы, молчаливы...
 Въ одномъ изъ нихъ блестящій водомета
 Журчалъ во тьмѣ жемчужно-голубиво,
 Да иногда, какъ будто вѣвъ дивясь,
 Въ дверяхъ мелькала пара женскихъ глазъ,
 Тяжелая портьера поднималась
 И черная головка появлялась.

LVI.

Когда въ лѣсу, на берегу рѣки,
 Въ степи, мы остаемся одиноки,
 То не страдаемъ тамъ мы отъ тоски,
 Тамъ наши мысли ясны и глубоки,
 Но изъ громаднхъ темныхъ галлерей
 Намъ хочется бѣжать скорѣй, скорѣй...
 Какъ гробъ, насъ давитъ тамъ уединенье
 И образъ смерти гонитъ размышленье.

LVII.

Каминъ съ огнемъ, гостинной свѣтлый видъ;
 Двѣ книги, милый другъ, стаканъ кларета,
 Хорошій ужинъ, добрый аппетитъ —
 Вотъ гдѣ укрыться любимъ мы отъ свѣта.
 Конечно, здѣсь того эффекта нѣтъ,
 Когда изъ ложи смотримъ мы балетъ...
 Но я—я съ темной залой не разлучень,
 А потому бываю часто скучень.

LVIII.

Увы! къ чему возводить на землѣ
 Огромныя постройки? Только храмы
 Должны тревожить думы на челѣ,
 Лишь въ храмахъ забывать должны всегда мы
 Т. CVIII. Отд. I.

О всемъ земномъ... Съ тѣхъ поръ, какъ палъ Адамъ,
 Жилищъ большихъ не нужно вовсе намъ,
 И башни вавилонской созиданье —
 Есть лучшій намъ урокъ и наказанье.

LIX.

Былъ прежде неизвѣстенъ Вавилонъ,
 Но знаменитымъ сдѣлался онъ скоро,
 Роскошными садами окруженъ.
 Стоялъ тамъ тронъ Навуходоносора,
 Гдѣ онъ потомъ, какъ зѣбра львоней, бродилъ;
 Тамъ львовъ смирялъ въ берлосакъ Давидъ,
 И тамъ жила сама Семiramеа:
 Тяжка ей нанесенная обида!...

LX.

Ее историкъ нашъ оклеветалъ
 (Историкъ все толкуетъ очень ложно),
 Что будто конь царицу ту плѣнилъ
 (Любовь — капризъ, — ей въ мирѣ все возможно)
 Ошибка здѣсь рѣшительно ясна:
 «Царица» обожала «скакуна»,
 Что жъ изъ того? держусь такой я вѣры,
 Что «скакунами» звались намъ «курьеры» (*).

LXI.

Но если бъ было такъ (а въ наши дни
 Все можетъ быть!), что вси мусульмане
 Не вѣрятъ въ вавилонскій столбъ (они
 Могли бы книгу Рина взять заранѣ:
 Онъ самъ купилъ, — рассказано такъ въ ней, —
 Отъ этой башни нѣсколько камней),
 Не вѣрятъ и еврейскіе въ указанья
 На это очень мудрое преданье,

(*) Каламбуры иностранныхъ языковъ рѣдко возможны для передачи. Байронъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ шутя, что слово *скакунъ* (*cougsier*) поставлено вмѣсто слова *курьеръ* (*cougrier*). Я не рѣшился замѣнить его русскимъ каламбуромъ, чтобъ не затемнить смысла. Замячу при этомъ, что въ словѣ *курьеръ* Байронъ дѣлаетъ намекъ на королеву Каролину, обвиненную между прочимъ въ любовной связи съ курьеромъ Бергами.

LXII.

То пусть они узнаютъ наконецъ,
 Что о постройкѣ дерзкой Вавилона
 Сказалъ Горацій, чудный нашъ пѣвецъ:
 Горацій говорилъ во время оно,
 Что тамъ народъ, «забывъ про тьму могилъ,
 Вблизи гробовъ постройки возводилъ...» (*)
 Печально очень это изреченье,
 Но можетъ всѣмъ служить намъ въ поученье...

LXIII.

Межъ тѣмъ они вошли въ ту часть дворца,
 Гдѣ словно эхо разомъ пробудилось...
 Повсюду роскошь, прихоть безъ конца
 Передъ глазами путниковъ явилась...
 Довольство поражало ихъ кругомъ...
 Вошла сама природа въ этотъ домъ,
 На все съ благоговѣніемъ смотрѣла,
 Но чѣмъ помочь искусству — не умѣла...

LXIV.

И, видимо, та комната была
 Лишь только входомъ въ комнаты другія,
 Но въ ней вездѣ сверкали зеркала
 И шли вокругъ стѣнъ диваны дорогіе:
 На нихъ и сѣсть, казалось бы, грѣшно...
 Узоръ ковровъ такъ вытканъ мудрено,
 Что мы, ступивъ на нихъ хоть по ошибкѣ,
 Могли скользить, какъ золотыя рыбки.

LXV.

Одинъ евнухъ съ презрѣніемъ взираетъ
 На все своимъ суровымъ, мрачнымъ взоромъ,
 И съ наглостью цвѣты ковровъ топталъ,
 Не увлекаясь дивнымъ ихъ узоромъ.
 Потомъ раскрылъ онъ шкапъ съ ключемъ въ рукѣ, —
 Вы видите — стоитъ онъ въ уголкѣ, —

(*) «Et sepulchri immemor struis domos», — забывая могилу, ты строишь себѣ зданія.
 Горацій.

Но если вы немножко слѣповаты,
То въ этомъ, право, сами виноваты.

LXVI.

И такъ, раскрылъ онъ шкапъ своей рукой,
Въ шкапу костюмы разные висѣли;
Тамъ пышныхъ платьевъ выборъ былъ такой,
Что пренебречь едва ли бѣ имъ посмѣли
И мусульмане знатные, но онъ
Для плѣнниковъ собралъ со всѣхъ сторонъ
Костюмъ отъ прочихъ платьевъ всѣхъ отличный,
И для гяуровъ купленныхъ приличный.

LXVII.

Онъ старшаго изъ нихъ тотчасъ облекъ
Во первыхъ въ плащъ, потомъ далъ шаровары
Широкія: шовъ лопнуть въ нихъ не могъ, —
Такъ одѣваться любятъ всѣ татары.
Шаль Кашемира плѣннику онъ далъ,
Цвѣтныя туфли, въ золотѣ кинжалъ
Съ оправой и съ булатомъ безпорочнымъ...
Одѣлся онъ въ минуту львомъ восточнымъ.

LXVIII.

Пока они мѣняли свой нарядъ,
Ихъ спутникъ Баба дѣлалъ наставленья,
Что если христіане захотятъ,
Имъ улыбнется счастье, безъ сомнѣнья,
И онъ спѣшитъ ихъ въ томъ предостеречь.
За тѣмъ онъ такъ окончилъ эту рѣчь:
«Свершите только дѣло обрѣзанья,
И вамъ легко покажется изгнанье...

LXIX.

«Я былъ бы очень радъ, прибавилъ онъ,
Въ васъ встрѣтить правовѣрныхъ, но насильно
Изъ васъ никто не будетъ принужденъ
Свершать обрядъ». На то ему умильно
Съ поклономъ старшій плѣнный отвѣчалъ:
— «Давно я ваше мнѣнье раздѣлялъ

И самъ люблю — хотъ я теперъ и илѣнный —
Обычай той наци почтеной.

LXX.

«Что жь до меня касается — свершить
Обычай тотъ не прочь я... Вѣроятно,
Когда мнѣ здѣсь предложить закусить, —
Что для меня весьма теперъ пріятно, —
То я, подумавъ, даже буду радъ
Исполнить правовѣрныхъ всѣхъ обрядъ»...
— «Какъ!» крикнулъ Донъ-Жуанъ, весь холодѣя,
«Пусть голову отрубятъ мнѣ — ни гдѣ я —

LXXI.

«Не соглашусь на это...» — «Милый другъ,
Я васъ прошу — меня не прерывайте:
Вы видите, я съ рѣчи сбился вдругъ...
И такъ — я продолжаю, сэръ, узнайте:
Когда я здѣсь немного закушу —
Вопросъ тотъ непременно разрѣшу,
Но думаю, — хотъ васъ мы мало знаемъ, —
Что въ выборѣ не буду я стѣсняемъ».

LXXII.

Тутъ негръ къ Жуану обратился: «Васъ
Одѣться я прошу». Онъ подалъ платье:
Въ него бы съ восхищеньемъ облеклась
Красавица, но затаивъ проклятье,
Жуанъ его ногой отбросилъ прочь...
«Скорѣ одѣвайтесь!..» Превозмочь
Жуанъ не въ силахъ гнѣва и поднялся:
— «Я женщиной еще не одѣвался!..»

LXXIII.

— «До этого мнѣ вовсе дѣла нѣтъ,
Я словъ терять напрасно не желаю,
Одѣньтесь поскорѣ — мой совѣтъ...»
— «Но я одинъ вопросъ вамъ предлагаю:
Къ чему носить мнѣ женщины нарядъ?»
— «Въ послѣдствіи вамъ это объяснятъ,

Теперь же я имѣю наставленье
Вамъ не давать ни слова объясненья».

LXXIV.

— «О, если такъ!» Жуанъ воскликнулъ, «мнѣ...»
— «Не гнѣвайтесь! Угрозы васъ погубятъ:
Прекрасна храбрость только на войнѣ,
А здѣсь, — повѣрьте мнѣ, — шутить не любить...»
— «Но какъ же я могу свой полъ забыть...»
— «Когда меня хотите вы сердить,
То я сзову людей и — вотъ вамъ слово —
Вамъ не оставлять пола никакого.»

LXXV.

«Я предлагаю чудный вамъ костюмъ,
Хоть женскій онъ, но, вѣрно, такъ ужь надо,
И нѣтъ причинъ вамъ дѣлать въ домѣ шумъ...
Но Донъ-Жуанъ такого маскарада
Не могъ понять: «ну, вотъ проклятый газъ!
Что буду дѣлать съ нимъ на этотъ разъ!»
Такъ онъ шепталъ надъ кружевомъ прозрачнымъ:
Его носить бы только новобрачнымъ»

LXXVI.

Вздыхалъ, бранился долго Донъ-Жуанъ,
Потомъ надѣлъ шальвары съ оторочкой
Стянулъ дѣвичимъ поясомъ свой станъ,
Прикрытый бѣлой, легкой сорочкой;
Когда же юбку сталъ онъ надѣвать
Съ неловкостью (что можемъ мы понять),
То, въ складкахъ утопая, оглянулся
И, вовсе неожиданно, споткнулся.

LXXVII.

Въ томъ дива никакого, право, нѣтъ;
Онъ этимъ никогда не занимался,
Но вотъ совсѣмъ оконченъ туалетъ, —
Жуанъ довольно долго одѣвался:
Когда жь порой костюмъ его смущалъ,
Ему въ одеждѣ Баба помогала:

Не безъ труда и не такъ прокладѣя
Онъ, наконецъ, просунулъ руки въ платье.

LXXVIII.

Осталось затрудненіе одно:
Носилъ онъ волосы не длинныя, но это
Ихъ спутникомъ тотчасъ устранено:
Фальшивую косу досталъ онъ гдѣ-то
И въ мигъ была приложена она,
Разчесана, кругомъ умащена...
По плечамъ кудри змѣями спадали
И въ нихъ каменья разные сверкали.

LXXIX.

Посредствомъ дежницъ, щипчиковъ, румянъ
Въ красавицу преобразился разомъ
Въ нарядѣ женскомъ юный Донъ-Жуанъ.
— «Смотрите! крикнулъ Баба имъ съ экстазомъ,
Клянусь, онъ сталъ прекрасною женой!
Теперь прошу васъ слѣдовать за мной,
Вы, господинъ,.. хотѣлъ сказать я—дама,
За мною вслѣдъ теперь идите прямо».

LXXX.

Онъ сдѣлалъ знакъ—ваши рабы тотчасъ.
«Вотъ съ ними вы отправитесь на ужинъ»,
Сказалъ онъ одному,—а вотъ для васъ,
Сударыня, въ проводники я нуженъ.
Упрямство васъ къ добру не приведетъ,
При томъ же здѣсь совсѣмъ не злой народъ,
Какъ львы въ пещерѣ, люди здѣсь не дикіе
Попали вы теперь въ дворецъ владыки...

LXXXI.

«Никто въ дворцѣ не сдѣластъ вамъ зла».
— «Тѣмъ лучше всѣмъ! Жуанъ тутъ замѣчаетъ:
«Моя рука довольно тяжела
И дерзкаго на мѣстѣ поражаетъ.
Ступайте же! за вами я иду,
Но если въ западню я попаду,

Наряженный зачѣмъ-то въ это платье,
То за обманъ съумѣю наказать я.

LXXXII.

— «Не бойтесь же, идите!» Между тѣмъ
Жуанъ съ своимъ товарищемъ прощался,
И онъ хотя былъ веселъ не совсѣмъ,
Но, глядя на Жуана, улыбался.
— «Здѣсь чудный край!» Жуану онъ сказалъ:
«Одинъ изъ насъ—чуть-чуть не туркомъ сталъ,
И въ женщину другой преобразился,
Надъ чѣмъ волшебникъ черный потрудился».

LXXXIII.

— «Прощайте!» закричалъ Жуанъ. «Какъ жить —
Дождемся ль встрѣчи новой? До свиданья!»
— «Но если мы увидимся опять,
То каждый передастъ свое сказанье...
Мы поплывемъ, куда судьба несетъ,
Но помните: невѣнность — вашъ оплотъ,
Не будьте Евой», крикнулъ онъ Жуану.
— «О нѣтъ! Я не отдамся и султану»...

LXXXIV.

Друзья расстались. Съ Бабою Жуанъ
Идетъ по галлереймъ комнатъ темныхъ,
Гдѣ въ темнотѣ журчалъ, порой, фонтанъ,
И вотъ предъ ними входъ воротъ огромныхъ.
Стоитъ, какъ очарованный, кодоессъ...
Вокругъ благоуханіе лилось
И тишина вѣчнѣмъ не прерывалась...
Святилищемъ то мѣсто представлялось,

LXXXV.

Изваяна вся дверь со всѣхъ сторонъ
Отчетливо изъ бронзы золоченой,
На ней упорный бой изображенъ:
Здѣсь видѣнъ побѣдитель изступленный,
Убитый врагъ лежитъ недвижно тутъ,
За колесницей плѣнники идутъ,

Бѣгутъ полки... оружія сверзанье...
 Казалось древнимъ очень неваянье...

LXXXVI.

Тѣмъ входомъ замыкался длинный залъ,
 По сторонамъ два карлика стояли,
 И каждый карликъ былъ такъ страшно малъ,
 Что ихъ едва у двери замѣчали.
 Они, какъ двое гадкихъ чертенятъ,
 Еще смѣшнѣй среди танихъ громадъ,
 И въ той большой, великолѣпной залѣ
 Они, казалось, оба исчезали.

LXXXVII.

Но подойдя къ нимъ близко, мы могли
 Тамъ въ ужасѣ невольномъ отвернуться
 Отъ этихъ карловъ, видныхъ чуть съ земли;
 Ихъ безобразью можно ужаснуться.
 Ихъ цвѣтъ являлся смѣсью всѣхъ цвѣтовъ, —
 Притомъ, нѣтъ было нѣтъ у тѣхъ шутовъ
 И оба карла — глухи: Тѣ уроды
 Стояли тамъ, какъ прихоть воиной моды.

LXXXVIII.

Обязанность ихъ состояла въ томъ, —
 Тѣ крошки были сильны, — чтобъ ворота
 Всѣмъ отворять, хоть не большимъ трудомъ.
 Для карликовъ казалась та работа;
 Въ движеніи двери были такъ легки,
 Какъ, на примѣръ... хоть Роджерса стини.
 Притомъ, къ пашамъ ихъ съ петлей посылали;
 Когда паши, порою, бунтовали.

LXXXIX.

Языкъ совсѣмъ не двигался у нихъ.
 Глаза ихъ страшнымъ блескомъ вдругъ сверкнули,
 Лишь Баба спросилъ тѣхъ домовыхъ,
 Чтобы они имъ двери распахнули.
 Зеленыхъ ихъ зрачковъ Жуанъ не могъ
 Перенести: казалось, въ краткій срокъ

Змѣнные глаза ихъ отравляли
И чародѣйной силою пугали.

КС.

У входа Баба спутнику твердила:
— «Походка ваша слишкомъ ужъ мужская.
И если можно — я бы васъ просилъ
Ступать помягче: ваша роль такая...
При этомъ не качайтесь на ходу
И наконецъ, когда я васъ введу
Съ собой сію минуту въ залъ огромный,
Старайтесь видъ принять дѣвцы скромный».

КСІ.

«Къ томужъ у этихъ карловъ зорокъ взоръ,
И если полъ вашъ дьяволы узнаютъ, —
Вы знаете, что близко здѣсь Босфоръ —
Въ него у насъ измѣнниковъ бросаютъ.
И намъ обоимъ утромъ, можетъ быть,
Въ мѣшкахъ зашитыхъ нужно будетъ спать:
Здѣсь принято давно ужъ средство это...
Такъ слушайтесь вы добраго совѣта».

КСІІ.

И тутъ они вошли въ другой покой,
Онъ былъ великолѣпнѣе, пышнѣе...
Повсюду видѣнъ царственный покой,
Гдѣ блескомъ ослѣплялся взоръ, тускнѣя,
Гдѣ чистый, благороднѣйшій металлъ
Передъ глазами каждого сіялъ
И камни драгоценные пестрѣли,
Мѣшались межъ собою и горѣли...

КСІІІ.

Богатства много, вкуса — вовсе нѣтъ;
Такъ водится всегда въ дворцахъ восточныхъ:
Вкругъ пестрота и яркихъ красокъ цвѣтъ...
(Я пять или шесть дворцовъ такихъ же точно
Въ Европѣ видѣлъ), всюду встрѣтятся тамъ
Среди богатствъ ненужный вовсе бланъ...

Но статуи, диваны и картины
Описывать теперь не въ нѣтъ причины.

ХСV.

Въ той комнатѣ, склонившись на диванѣ,
Въ величьи царскомъ дама возлежала.
Предъ ней склонился Баба, и Жуанъ,
Хоть кланяться привыкъ онъ очень мало,
Сталъ на колѣно, негру покорясь,
Той странной сценѣ изумленно дивясь,
И думалъ такъ: «кте быть она могла бы!...»
Межъ тѣмъ не измѣнялись позы Бабы.

ХСVІ.

Вотъ дама на диванѣ поднялась:
Венера вышла такъ изъ океана, —
И съ быстротой гавели пару глазъ
Вдругъ устремила прямо въ Донъ-Жуана;
Потомъ рукой знакъ Бабѣ подала, —
Какъ лучъ луны рука была бѣла, —
Едва до платья снѣга ей касаться,
Съ той незнакомой Баба сталъ шептаться.

ХСVІІ.

Той женщины прелестной красота
Была неотразима и надменна,
Неуловима, словно какъ мечта...
Ее вамъ нужно видѣть непременно,
Чтобъ оцѣнить. Когда бъ посредствомъ фразъ
Я описалъ ту красоту для васъ,
Тогда бы всѣ могли лишиться зрѣнья...
Нѣмѣетъ мой языкъ для выраженья.

ХСVІІІ.

Хоть было ей тогда лѣтъ двадцать шесть,
Но на землѣ такія есть созданья,
Красавицы такія въ мірѣ есть,
Которыя не знаютъ увяданья:
Шотландская Марія такова.
Хоть отъ несчастій никнетъ голова,

Но не для всѣхъ несчастіе опасно:
Нинонъ Ланкло всегда была прекрасна.

XСІХ.

Своей царицы слушаая приказъ,
Прислужницы вокругъ ея стояли.
Онѣ одѣты были въ этотъ часъ,
Какъ и Жуанъ. Смотря на нихъ, едва ли
Отъ нимфъ ихъ можно было отличить
И съ сестрами Діаны не сравнить...
Я говорю о вѣшной красотѣ ихъ,
Не вѣдая объ остальныхъ затѣяхъ.

С.

Съ поклономъ удаляются онѣ.
Жуанъ смотрѣлъ на все и удивлялся,
Оставленный отъ прочихъ въ сторонѣ:
Зачѣмъ онъ здѣсь?... и съ кѣмъ? куда попался?
Онъ на яву теперь, идъ видитъ сонъ?
Жуанъ былъ удивленъ и восхищенъ...
Тѣ чувства къ намъ всегда приходятъ въ парѣ...
Тотъ жалокъ, чей девизъ — «*nil admirari*» (*).

СІ.

«Кто счастье земли умѣлъ постичь,
Тотъ ничему нигдѣ не удивлялся».
Такъ разсуждалъ Мюррей и думалъ Кричъ (**),
Такъ самъ пѣвецъ Горацій выражался,
То изреченье Попе повторялъ,
Но еслибъ былъ таковъ ихъ идеалъ,
То Попе съ пѣсней въ міръ бы не явился
И лирою Горацій не плѣнился.

СІІ.

Когда ушли прислужницы, евнухъ
Къ Жуану съ приказаньемъ обратился
И повторилъ потомъ, едва не вслухъ,
Чтобъ къ ножкѣ дамы плѣнникъ приложился

(*) Т. е. «ничему не удивляться».

(**) *Crutch*, переводчикъ Горація

И вновь предъ ней колѣна преклонилъ,
 Но тутъ Жуанъ весь вслыхнулъ и всвочалъ:
 «Я не призванъ до нынѣ унижаться,
 Я передъ папой могъ лишь преклоняться»...

CIII.

Той гордостью былъ Баба возмущенъ
 И петлей угрожалъ ему за это,
 Но Донъ-Жуанъ не вазъ бы, униженъ,
 Передъ самой невѣстой Магомета...
 Всесленъ въ мѣрѣ грозный этикетъ,
 И бредить имъ повсюду цѣлый свѣтъ
 Въ палатахъ царскихъ, въ залахъ театральныхъ,
 На смѣткахъ, на балахъ провинціальныхъ...

CIV.

Жуанъ былъ непреклоненъ (Баба вновь
 Напрасно убѣдить его старался):
 Кипѣла въ немъ кастильскихъ предковъ кровь
 И умереть скорѣе онъ рѣшился,
 Чѣмъ древній родъ свой рабствомъ оскорбить.
 Тутъ Баба сталъ иначе говорить
 И ужъ не можку ей — (боясь проклятій)
 Просилъ хоть руку лишь поцаловать ей.

CV.

Такая сдѣлка выгодна была.
 И пусть они какъ дипломаты строги,
 Но тутъ любая сторона могла
 Сойтись между собой на полъ-дорогѣ.
 Не могъ не согласиться Донъ-Жуанъ,
 Сказавъ: «Таковъ обычай нашихъ странъ —
 На югъ непременно и всегда мы
 Привыкли прикасаться къ ручкѣ дамы».

CVI.

Онъ подошелъ. Прекрасная рука
 Для поцалуя всякаго маншла, —
 Когда уста коснутся къ ней слегка,
 То въ голову желанье приходило

Склониться къ ней второй и третій разъ,
 Желанье то сгустило, вѣрно, васъ,
 Когда съ созданьемъ мильнѣ вы встрѣтились
 И до руки губами прикасались.

СVII.

Красавица взглянула и въ тотъ мигъ
 Велѣла гордо Бабѣ удалиться.
 Намѣки всѣ лукавой негрѣ постигъ
 И, поспѣшивъ ей низко поклониться,
 Шепнулъ Жуану: «бросьте вслѣдъ страхъ»
 И съ свѣтлою улыбкой на губахъ,
 Какъ будто сдѣлалъ доброе онъ дѣло,
 Скользнулъ въ дверяхъ, взглянувъ довольно смѣло.

СVIII.

Едва сокрылся Баба, какъ въ чертахъ
 Прекрасной дамы сдѣлалось волненье,
 Румянецъ загорѣлся на щекахъ:
 Такъ рдѣютъ облака въ одно мгновенье,
 Когда проглянетъ солнце изъ-за горъ,
 И выражалъ ея блестящій взоръ
 Въ одно и то же время — гордость, счастье
 И, наконецъ, томленіе сладострастья.

СIX.

Въ ней грація природная видна,
 Въ ея чертахъ есть нѣжность, но иная —
 Той нѣжностью владѣлъ лишь сатана,
 Невинную дикарку соблазняя;
 Какъ солнце лучезарное, чиста
 Во всей ей разлитая красота:
 Та красота скорѣй повелѣвала,
 Но никому сама не уступала.

СX.

На всѣхъ кругомъ, — таковъ въ ней царскій видъ, —
 Она какъ будто цѣпи налагаетъ,
 Но насъ блаженство самое страшитъ,
 Когда въ немъ деспотизмъ преобладаетъ.

Нашъ духъ одну свободу признаетъ
И, если тѣло часто терпитъ гнетъ,
То цѣпи допускаетъ лишь на время:
Духъ, наконецъ, осмалитъ это бремя.

СXI.

Высокомѣренъ была ея привѣтъ,
Она высокомерно улыбалась,
Какъ будто награждала цѣлый свѣтъ,
И даже въ нежныхъ воля отражалась.
За поясомъ ея блистала книжка,
И этотъ знакъ — самъ дамы означалъ:
Она — жена султана. (Богу слава,
Что не моя она супруга, право!).

СXII.

«Мнѣ повинуйся!» вотъ ея законъ.
Всѣ прихоти царицы исполнялись
Толпой ея рабовъ со всѣхъ сторонъ.
Она — изъ рода знатнаго; склонялись
Всѣ передъ блескомъ чудныхъ этихъ глазъ...
Когда бъ она въ Европѣ родилась
То, думаю, «regrettuus mobile»
У насъ теперь давнымъ-давно бъ открыли.

СXIII.

Ей доставлялось все, чего бъ она
По прихоти своей ни пожелала,
И дорогая самая цѣна
Ей въ достиженьи цѣли не мѣшала.
Ея капризамъ не было конца,
Но за улыбку чуднаго лица
И самый деспотизмъ ей извиняли,
Лишь жоны красоты ей не прощали.

СXIV.

Жуанъ ея вниманіе привлечь,
Когда она по рынку проѣзжала.
«Купить его!» Тутъ Баба ей помогъ:
Она его услуги испробовала.

Для дѣлъ такихъ чертъ словно были рождены,
 Къ тому жъ имѣлъ благоразумье онъ;
 Вотъ почему, — прошу теперь понять я, —
 Къ ней приведенъ Жуанъ былъ въ жестокомъ плачѣ.

СХV.

Жуанъ былъ молодъ — хитрость удалась,
 Вы спросите: какъ мысль такова пришла
 Явилась ей? О томъ прошу я васъ,
 Спросить изъ любопытства жоны султана.
 Владыки — лишь мужья въ глазахъ дѣтъ жоны,
 А жоны съ незапамятныхъ временъ,
 Своихъ мужей обманывать любили,
 Хоть ихъ мужья и королями были.

СХVI.

Купивъ себѣ Жуана безъ хлопотъ —
 Султанша почему-то рассуждала,
 Что Донъ-Жуанъ за счастье почитать
 Ея привѣтъ; въ глазахъ ея пылала
 Власть и любовь. Чтобъ гостя оживить:
 «Ты, чужестранецъ, можешь ли любить?»
 Она спросила, тутъ же ожидая,
 Что заиграетъ кровь въ немъ молодая.

СХVII.

Такъ быть могло, конечно, но Жуанъ
 О Гайде не забылъ еще, носилась
 Она предъ нимъ, какъ призракъ, какъ туманъ,
 И постепенно кровь въ немъ охлаждалась
 И къ сердцу вдругъ отхлынула съ лица:
 Онъ сдѣлался блѣднѣе мертвеца.
 Какъ будто копьѣ въ грудь его вонзили
 И — разомъ слезы щеки оросили.

СХVIII.

Она смутилась этимъ. Зарыдать
 Способны жоны вовсе безъ причины,
 Но тяжело и больно намъ встрѣчать
 Зловѣщую слезу въ глазахъ мужчины.

Отъ женскаго слезъ тоска къ нимъ не придетъ,
 Но какъ огонь слеза мужчины жжетъ;
 Для женщины два слезы—облегченья,
 А для мужчины—жгучее мученье...

.СХІХ.

Хотѣлось ей немного облегчить
 Жуана скорбь, но чѣмъ?—она не знала.
 Ей въ мірѣ было некого любить,
 Страданія она не испытала,
 Лишь огорченья мелкія одни
 Случалось ей знать въ иные дни,
 А потому, не склонная къ страданью,
 Она дивилась этому рыданью.

СХХ.

Но власть природы въ женщинѣ сильна,
 Природы въ ней не заглушитъ искусство
 И сердцемъ впечатлительнымъ она
 Опѣнитъ незнакомое ей чувство.
 Во всѣхъ несчастяхъ женщина могла
 Смягчать для насъ всю массу бѣдъ и зла,
 Такъ и теперь Гюльбея зарыдала,
 Хотя причины слезъ не понимала.

СХХІ.

Но слезы прекратились, и Жуанъ,
 Недавно огорченный тономъ важнымъ,
 Вновь горделиво выпрямилъ свой станъ...
 Своимъ глазамъ, лишь за минуту влажнымъ,
 Онъ придалъ твердость прежнюю опять:
 Онъ красоты не могъ не понимать,
 Но сознавалъ, что прежнія нечали
 Ему любить опять не позволяли.

СХХІІ.

Лишь въ первый разъ Гюльбея смущена,
 Она — благоговѣнье только знала,
 Привыкла къ похваламъ однимъ, она
 Сейчасъ своею жизнью рисковала,
 Т. СѪІІ. Отд. 1.

Чтобъ встрѣтиться съ Жуаномъ *1616-2-1616*,
И вдругъ — такая встрѣча!... хуже нѣтъ —
Въ подобный часъ — минуты колебанья:
Для женщины ужаснѣй нѣтъ страданья.

СХХІІІ.

Предупреждаю юношей тѣхъ страхъ,
Гдѣ южныя натуры ждать не любятъ
(Не говорю про хладныхъ англичанъ),
Что медленность въ любви не рѣдко губитъ.
На сѣверѣ — дается долгій срокъ,
На югѣ замедленіе — порокъ:
Дается двѣ минуты на признанье,
А послѣ — пропадетъ очарованье.

СХХІV.

Но Гайде Донъ-Жуанъ не могъ забыть,
Онъ съ образомъ ея не разставался,
А потому султаншѣ; можетъ быть,
Любовникомъ неловкимъ показался...
Она его спасла, ввела въ дворецъ,
Онъ передъ ней... и что же наконецъ?
Султанша вся зардѣлась, поблѣднѣла,
Какъ полотно, и снова заалѣла.

СХХV.

Но вотъ она въ него вперила взглядъ,
Съ большимъ упрекомъ за руку схватила.
Онъ все стоитъ... глаза ея горятъ...
Но въ плѣнникѣ любви не находила
Красавица... Сгарая отъ стыда,
Она привстала съ мѣста, и тогда,
Уставъ въ борьбѣ, султанша молодая
На грудь Жуана бросилась, рыдая.

СХХVІ.

Игра была опасна, но Жуанъ
Былъ защищенъ своей печалью раньше;
Ее склонивъ тихонько на диванъ,
Онъ избѣжалъ объятія султанши.

Почти безъ чувствъ лежитъ предъ нимъ она,
И онъ сказалъ: «прекрасная жена!
Подруги нѣтъ орлу въ его неволѣ:
Не буду я игрушкой женской воли!

СХХVII.

«Спросила ты — могу ли я любить!
Суди сама, какъ полюбить могу я,
Когда тебя рѣшаюсь позабыть!...
Любовь — дана свободнымъ. Ей торгуя,
Любить не въ состояннн жалкій рабъ...
Предъ властью часто разумъ самый слабъ,
Колѣни, спины гнутся всенародно,
Но сердце остается въ насъ свободно».

СХХVIII.

Та истина знакома всѣмъ, но ей
Она была до нынѣ неизвѣстна...
Гюльбея лестъ слыхала съ раннихъ дней
Да слушала восторги повсемѣстно.
И вся земля — такъ думала она —
Лишь для однихъ султановъ создана...
Не вѣдать ей дано рожденьемъ право,
Что сердце бьется слѣва, а не справа!

СХХIX.

Притомъ, такъ хороша она была,
Что еслибъ родилась въ семьѣ плебея,
То царство бъ для себя создать могла...
И сознавала власть свою Гюльбея,
Увѣрена, что каждый смертный могъ
Лобзать слѣды ея прекрасныхъ ногъ, —
Что каждый передъ ней дрожалъ отъ страсти...
Я съ этимъ соглашаюсь лишь отчасти.

СХХХ.

Припомните гѣ юные года,
Когда вы цѣломудріе хранили
И какъ вдову скучавшую тогда
Своимъ отказомъ дѣтскимъ оскорбили,

Иль вспомните, о чемъ уже давно
 Въ романахъ старыхъ намъ говорили:
 То самое несчастье испытала
 Красавица, какихъ на свѣтѣ мало!

СХХХІ.

Иль вспомнить, наконецъ, прошу я васъ
 Пентефрія жену, или личность Федры (*)
 Иль лэди Буби (**): въ юности не разъ
 Исторію читали намъ съ кафедры...
 О, юноши! примѣровъ тѣхъ урокъ
 Не забывать должны въ долгій срокъ!
 Когда о нихъ вы вспоминать начнете,
 То бѣшенство Гюльбенъ вы поймете.

СХХХІІ.

Какъ тигрица неистово глѣдитъ;
 Когда ее дѣтеныша лишаютъ;
 Такъ дамы принимаютъ грозный видъ
 Въ тотъ часъ, когда ихъ чувства не раздѣляютъ.
 Но тигрица не такъ оскорблена:
 Дѣтей своихъ лишается она;
 А женщина вдвойнѣ скорбитъ о дѣтяхъ,
 Когда совсѣмъ лишится правъ имѣть ихъ.

СХХХІІІ.

Любить дѣтей — естественный законъ:
 Какъ львица, такъ и утка защищаетъ
 Своихъ дѣтей и стережетъ ихъ сонъ,
 За нихъ безъ сожалѣнья умираетъ.
 У колыбели дѣской любитъ мать
 Слезамъ и смѣху дѣтскому внимать...
 Для матери любовь — святое дѣло
 И той любви нѣтъ мѣры, нѣтъ предѣла.

(*) Приключенія Ипполита, сына Тезея, и Беллерофона, которые, изъ чувства долга отклонили отъ себя сладострастныя притязанія Федры, конечно, известны большинству нашихъ читателей.

(**) Личность, выставленная Филдинггомъ въ одной изъ его повѣстей.

СХХХIV.

Гюльбеи гнѣвъ едва ли передамъ.
 И что скажу? Что искры разсыпались
 Изъ черныхъ глазъ? Но постоянно тамъ
 Не потухая искры разгарались.
 Негодованьемъ царственнымъ полна,
 Стояла передъ пльникомъ она...
 Мы всѣ почти гнѣвъ женщинъ испытали,
 Когда желаній ихъ не исполняли.

СХХХV.

Гнѣвъ въ ней утихъ въ минуту, но была,
 Какъ самый адъ, минута та ужасна:
 Въ ней столько было ненависти, зла,
 Хоть женскій гнѣвъ описывать прекрасно,
 Какъ океанъ, шумящій между скалъ...
 И еслибъ кто Гюльбею увидалъ
 Разгнѣванной, глубоко оскорбленной,
 Ее сравнилъ бы съ бурей оживленной.

СХХХVI.

Какъ ураганъ былъ этотъ гнѣвъ сидень,
 И не казался вспыщкою мгновенной,
 Хотя исчезъ въ одно мгновенье одъ.
 Какъ въ «Лирѣ», этой женщинѣ надменной
 Хотѣлось лишь «убить, убить, убить».
 Но жажда мщенья, жажда кровь пролить
 Отчаяньемъ глубокимъ въ ней смѣнилась
 И женщина слезами разразилась.

СХХХVII.

Она зажглась грозой, и какъ гроза
 Утихла, говорить не въ состояньи...
 Слезами затуманились глаза
 И въ этотъ часъ явилось въ ней созданье
 Тяжелаго, ужаснаго стыда:
 Къ ней въ первый разъ явился стыдъ, тогда,
 Что женщинамъ въ подобномъ положеньи
 Испытывать полезно. Божь сомнѣнья,

СXXXVIII.

Ей стыдъ подобный вѣрно дастъ понять,
 Что въ мирѣ всѣ мы созданы изъ праха,
 Что вазы также можно разбивать,
 Какъ и горшки, ударивъ ихъ съ размаха,
 Что и султана гордая жена
 Изъ той же плоти, крови создана...
 На сколько стыдъ добру ее научить,
 Не знаю я, — но онъ ее измучить...

СXXXIX.

Жуана казнь была ей рѣшена,
 Потомъ она желала съ нимъ разстаться,
 Потомъ сообразила, что должна
 Надъ воспитаньемъ гостя посмѣяться,
 Потомъ его раскаянія ждать,
 Потомъ она подумала — лечь спать,
 Кнутами высѣчь Бабу захотѣла,
 Потомъ она заплакала и сѣла.

СXL.

Пронзить себя кинжаломъ? — но кинжалъ
 Былъ слишкомъ близко, тутъ же подъ рукою,
 И этотъ фактъ, понятно, помѣшалъ.
 Тотъ планъ смѣнился думою такою:
 Убить Жуана тотчасъ, но бѣднякъ
 Хоть точно стоилъ смерти, — это такъ, —
 Но этимъ цѣль не достигалась:
 Съ нимъ вмѣстѣ и надежда убивалась.

СXLI.

Жуанъ былъ тронутъ. Онъ воображалъ,
 Что ждутъ его ужасныя мученья;
 Онъ каждую минуту ожидалъ,
 Что будетъ брошенъ лвамъ онъ на съѣденье,
 И, какъ герой, собирался умереть,
 И вдругъ — на слезы долженъ онъ смотрѣть.
 Въ немъ подавило смерти ожиданье
 Прекрасной этой женщины рыданье.

СХLII.

И въ немъ исчезла храбрость, — отступать
 Теперь онъ не рѣшался также смѣло.
 Дивился онъ, какъ могъ ей отказать,
 И думалъ, какъ поправить это дѣло.
 Жуанъ себя за дикость упрекалъ,
 Понявъ, что онъ обѣта не давалъ,
 И никому имъ клятвы не давались, —
 Къ тому же клятвы всюду нарушались.

СХLIII.

Онъ началъ извиняться, но слова
 Безсильны тутъ, хотя бъ вы прибѣгали
 Ко всѣмъ уловкамъ опытнаго льва
 И пѣсни музъ различныхъ повторяли.
 Но въ немъ надежда скоро ожила:
 Султанша улыбаться начала.
 И дальше бы пошелъ онъ, безъ сомнѣнья,
 Но Баба прекратилъ ихъ объясненье.

СХLIV.

— «Невѣста солнца, мѣсяца сестра!
 (Такъ началъ онъ) Твой взглядъ міры смущаетъ,
 Твоей улыбки розовой игра
 Планеты въ небѣ счастьемъ оживляетъ!
 Я, рабъ твой, вѣсть сладчайшую принесъ.
 Торжественнымъ посломъ мнѣ быть пришлось,
 Чтобъ заявить предъ царственной женою:
 Само свѣтило шествуетъ за мною».

СХLV.

— «Какъ!» вскрикнула она, боясьдохнуть...
 «О, для чего не завтра будетъ это!..
 Но пусть моихъ прислужницъ — млечный путь
 Идетъ предъ нимъ. Ты, старая комета,
 Всѣмъ звѣздамъ дай сейчасъ объ этомъ знать...
 Ты, христіанинъ, можешь здѣсь стоять
 Межъ звѣздъ моихъ, и если не велики...»
 Но тутъ: «Султанъ идетъ!» раздались крики.

СХLVI.

Сперва явился женщинъ длинный рядъ,
 Потомъ тянулись евнухи султана.
 Идя къ женѣ, султанъ хранилъ обрядъ —
 Предупреждать о томъ супругу рано.
 Былъ съ нею постоянно вѣжливъ онъ;
 Изъ четырехъ его прекрасныхъ женъ
 Гюльбея фавориткою считалась
 И женамъ остальнымъ предпочиталась.

СХLVII.

Султанъ серьезнымъ видомъ обладалъ,
 Обросъ до самыхъ глазъ онъ бородою;
 Онъ изъ тюрьмы на братнинъ тронъ попалъ,
 Смѣнивъ его обычной чередою —
 И не дивилъ ничѣмъ турецкій міръ...
 Въ исторіи ни Нольсъ ни Кантемиръ
 Ни одного не славили султана, —
 За исключеньемъ, впрочемъ, Солимана.

СХLVIII.

Являлся аккуратно онъ въ мечеть,
 Всегда держался самыхъ строгихъ правилъ.
 Но за страной рѣшился не смотрѣть:
 Дѣлами государства визирь правилъ.
 Въ семьѣ, — какъ намъ извѣстно съ давнихъ поръ, —
 Съ супругами не заводилъ онъ ссоръ
 И въ запертомъ, тайнственномъ гаремѣ
 Съ наложницами ладилъ онъ со всѣми.

СХLIX.

Хотя измѣны были иногда,
 Но рѣдко расходились по народу;
 Измѣнники смирялись безъ труда —
 На голову мѣшокъ и — прямо въ воду:
 Такъ подъ водой и умиралъ секретъ,
 Не ставши достояніемъ газетъ,
 Газеты, впрочемъ, пикнуть не могли бы...
 Довольны оставались только рыбы.

СІ.

Что мѣсяць круглъ — онъ убѣдился въ томъ,
 Но что земля круглa, — тому не вѣришь:
 Та истина отвергнута была,
 Затѣмъ, что шаръ земной онъ не измѣрилъ
 И круглоты земли не замѣчалъ.
 Онъ и границъ страны своей не знаетъ:
 Хоть у границъ плуры съ нимъ сражались,
 Но только къ «Семи Башнямъ» не являлись —

СІІ.

За исключеніемъ посланниковъ: они,
 Когда войны движенья начинались,
 По праву очень мудрому, въ тѣ дни
 Туда на испытаніе сажались, —
 Чтобъ не могли распространять мятенъ.
 Посредствомъ писемъ живыхъ и депешъ...
 Нельзя, чтобъ дипломаты, въ самомъ дѣлѣ,
 Съ интригами во все мѣшались събѣм!..

СІІІ.

Сто человекъ дѣтей имѣлъ султанъ.
 Всѣхъ дочерей держалъ онъ очень строго,
 Какъ въ парникѣ цвѣты полдневныя страсть;
 Когда же подросли онѣ немного,
 Онъ за пашей ихъ замужъ выдавалъ,
 За что паша подарки присылалъ,
 А потому-то дочери султана
 Всѣ отдавались въ жены очень рано.

СІІІІ.

А сыновья, — имъ было два пути
 (И выпадалъ не часто жребій лестный):
 Иль на престолъ отцовъ своихъ взойти,
 Иль умереть отъ петли, очень тѣсной.
 Старались ихъ отлично воспитать,
 Что многіе умѣли доказать,

. . . . .
 . . . . .

CLIV.

Свою жену привѣтствовалъ султанъ,
 При этомъ всѣ приличья соблюдая,
 Вполнѣ цѣня ея высокій санъ...
 Была нѣжна султанша молодая,
 Какъ женщина, которая за часъ
 Грѣхомъ запретнымъ жадно упилась...
 Всѣ женщины, когда намъ измѣняютъ,
 Насъ чрезвычайной ласкою встрѣчаютъ.

CEV.

Вотъ бросилъ взоръ вокругъ себя султанъ
 И взглядъ его въ толиѣ остановился
 На мѣстѣ томъ, гдѣ сталъ нашъ Донъ-Жуанъ:
 Супругъ къ женѣ спокойно обратился:
 (Гюльбея вздохъ хотѣла подавить)
 — «Вы вздумали ту дѣвушку купить...
 Теперь одно сознанье мнѣ обидно:
 Гяура дочь быть можетъ миловидная».

CLVI.

Тотъ комплиментъ заставилъ задрожать
 И покраснѣть гяура дочь. Подруги,
 Не смѣя недовольство показать,
 Потупили глаза свои въ испугъ...
 О, Магометъ! Какъ могъ теперь султанъ
 Забыть красавицъ гордыхъ мусульманъ,
 Простою христіанкой любоваться...
 Всѣ начали съ волненіемъ шептаться.

CEVII.

Отчасти турки правы, если жонъ
 Безъ всякихъ церемоній запираютъ:
 Горячъ и зноенъ южный небосклонъ—
 Тамъ страсти слишкомъ скоро увлекаютъ;
 (На сѣверѣ самъ климатъ насъ хранитъ
 И страстные порывы холодитъ).
 Отъ солнца ледъ полярный только таетъ,
 Но кровь людскую солнце распалаетъ.

СLVIII.

Вотъ почему такъ къ женамъ строгъ востокъ,
 И къ женщинамъ мужа неумолимы,
 Вотъ почему *женитьба* и *замокъ*
 Для мусульманъ—суть только синонимы.
 Но многоженство—вотъ причина зла.
 Вся Турція удобнымъ не нашла
 Супруга награждать одной женою...
 Обычай тотъ и сталъ всему виною.

СLIX.

Довольно. Пятой пѣсни здѣсь конецъ.
 На полъ-дорогѣ якорь свой бросаю,
 Какъ сдержанный эпическій пѣвецъ,
 На время опускаю паруса я.
 Пусть эту пѣсню публика прочтетъ,
 Шестая же до паюса дойдетъ...
 Гомеръ вѣдь спалъ порою, и на ложе
 Позволено и мнѣ склониться тоже.

ДМИТРИЙ МИНАЕВЪ.

СОВРЕМЕНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ.

ТОМЪ СѢШ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1865